

СУМАСШЕДШЕЕ ФОРТЕПИАНО

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Владимир Хаманов

18+

Владимир Хаманов

**Сумасшедшее фортепиано
и другие рассказы**

«ЛитРес: Самиздат»

1995

Хаманов В.

Сумасшедшее фортепиано и другие рассказы / В. Хаманов —
«ЛитРес: Самиздат», 1995

Все сюжеты нижеприведённых рассказов вымышлены и не имеют ничего
общего с реальностью: хотя некоторые персонажи имели своих «прототипов».

A DAY IN THE LIFE

Он проснулся рано: еле дождался, пока мать уйдёт на работу, и набрал, давно выученный наизусть, номер телефона:

– Привет!

– ...

– Как дела?

– ...

– Можно мне прийти?

– ...

– Во сколько?

– ...

– В два?

– ...

– Что? Не ровно? Чуть позже?

– ...

– Хорошо. Пока!

«Шесть часов пятнадцать минут...» – подсчитал он в уме, кладя телефонную трубку на аппарат:

«Ровно через шесть часов пятнадцать минут я увижу её...»

Впереди был один из девяноста дней лета. Один день из девяноста дней каникул. Один день из трёхсот шестидесяти пяти дней года. Один день из огромной, многообещающей жизни, насколько таковой она может быть в пятнадцать лет... Длинный июньский день...

Умывшись, он прошёл на кухню и съел завтрак, приготовленный матерью, прочёл записку, оставленную ею на кухонном столе – она просила его сходить за хлебом. Тут же лежали деньги – чуть надорванная посередине трёшка. Налив чаю в любимую кружку, он вернулся в свою комнату, включил старенький проигрыватель, который родители приобрели задолго до его появления на свет, и поставил найденный в отцовских пластинках миньон...

Он прослушал эту запись, наверное, уже с тысячу раз, но изумлялся ей вновь и вновь, словно слыша впервые. Он выучил эти три вещи так, что мог пропеть каждую отдельно взятую партию. Два месяца сидения за словарями – и он знал каждое слово в этих песнях... И всё-таки, ставя в очередной раз заезженную пластинку, звучащая музыка заставляла трепетать, и по телу бежали мурашки... Он уже понимал, как это можно сыграть, но вот как написать?..

Зимой, вернувшись из командировки, отец привёз ему в подарок на день рождения так давно обещанную гитару и сейчас он, где с помощью самоучителя, а где с помощью матери, ещё что-то помнящей из музыкальной школы, знал несколько аккордов и пытался подбирать на слух мелодии.

Прослушав несколько раз пластинку, он глянул на часы:

«Десять. Ещё целых четыре часа и пятнадцать минут...»

Нехотя, через силу оторвавшись от проигрывателя, он натянул выцветшие джинсы и майку, взял деньги, оставленные матерью на хлеб, и вышел из дому.

Во дворе было всё как обычно: бабуси грелись на солнце, делясь последними утренними сплетнями, малышня возилась в песочнице, собаки выгуливали своих хозяев, молодые мамы толкали впереди себя детские коляски со спящими младенцами, старательно обходя огромные лужи.

Ночью опять был дождь.

Облака медленно и тяжело ползли по небу, солнце начинало припекать совсем не по-утреннему, а в древних дворовых тополях чирикали воробьи.

«За солнцем, за солнцем! Я иду за солнцем! Купить булку белого хлеба, одну булку белого хлеба похожего на солнце!.. Вернусь – достану фотки.» – решил он.

Эти фотографии были пересняты из какого-то журнала... Он забыл название. Двухнедельных сбережений от завтраков стоили они ему. Витёк из параллельного класса, продавший их, сказал, что у него есть катушка-пятисотка, составленная из лучших композиций, но это будет стоить двадцать рублей. Два месяца без завтраков – такая ерунда! Он согласился, но тут начались каникулы, и Витька уехал к каким-то дальним родственникам на всё лето. Только бы он не успел продать эту плёнку кому-нибудь!

Отец с матерью удивились, когда он спросил их: можно ли ему хотя бы на месяц устроиться поработать? Отец разомлел и пообещал устроить его к своему знакомому в редакцию какой-то газеты курьером. Или издательства? Это не важно. Совсем не важно. Главное, что к осени у него будут деньги, и он сможет купить эту плёнку. Страшно сладко подумать: он сможет поставить на катушечный «Сатурн» свою собственную плёнку! И слушать, слушать часами, дни напролёт... Подбирать и играть. Играть самому. Кайф! Сорок пять минут с одной стороны и сорок пять минут с другой. Полтора часа обалденной музыки. Полтора часа счастья...

Откуда ни возьмись, набежавшая туча брызнула дождем, коротким ливнем, распугав пешеходов и осев на стёклах машин крупными каплями. От успевшего нагреться асфальта поднимался пар.

Спрятавшись в подъезде какого-то учреждения, он переждал слепой дождь. Подъезд был битком набит людьми; одни, как и он, забежали, спасаясь от непогоды, другие же, покидавшие учреждение, не спешили выйти на улицу полную пузырящихся луж.

Какой-то парень заскочил в подъезд, чуть не сбив с ног двух тётушек с огромными хозяйственными сумками: они стояли у самых дверей:

– О, простите, ради Бога! Извините! – распинался парень перед возмущёнными матронами.

Он было уже отвёл глаза от этой сцены, но тут до него дошло что' было в руках у парня – извиняясь перед тётками, тот прижимал к груди промокший от дождя конверт пластинки. И чей это был диск – не было никаких сомнений...

«Они!» – вспыхнуло у него в мозгу.

Пробравшись сквозь толпу поближе к парню, он смог разобрать и название диска:

«Точно, они!»

– Простите, пожалуйста, – тронул он парня за руку;

– Вы не скажите, где купили диск?

Парень глянул на него, потом на диск и, поняв всё с полувзгляда, ответил:

– В «Музыкальном». Если хочешь успеть – торопись; говорят партию завезли небольшую, берут пачками...

– Спасибо! – выдохнул он, ринувшись к выходу.

– Да не за что! – бросил парень ему вдогонку.

– Ещё один сумасшедший! – крикнула на весь подъезд одна из тёток, которую в свою очередь он чуть не сшиб с ног, но её крика уже не услышал, несясь под струями дождя по глянцевым тротуарам.

Проезжавшая машина окатила его веером воды... Не обращая на это внимания, он летел дальше.

«Только бы успеть! Не опоздать!.. Пачками берут...» – мысли скакали бешеным галопом...

Взвизгнули тормоза, шофёр заорал в открытое боковое окно:

– Тебе что, жить надоело?!

Заверещал милицейский свисток.

– Эй, стой! – крикнул кто-то ему в спину, но он припустил ещё быстрее, увёртываясь от машин и перебегая перекрёстки...

Дождь вдруг перестал, в глаза ударило солнце, выползающее из-за тучи.

«Успею!» – решил он.

Вот и знакомые витрины, заставленные музыкальными инструментами; омытые дождём они теперь сияли, отбрасывая на мокрый асфальт светлые квадраты.

Рванув на себя дверь, он влетел в магазин:

«Чёрт!»

Народу было – яблоку негде упасть: толчея и толкотня. Внушительная очередь у кассы образовывала живой лабиринт, в котором сновали счастливчики уже отбившие чек.

С трудом протиснувшись к прилавку, он увидел стопки пластинок, таявшие буквально на глазах...

«Не хватит...» – с отчаяньем подумал он, но всё-таки бросился к очереди в кассу, чтобы занять место.

Через минуту за ним стояло уже человек десять, а очередь впереди, казалось, не сдвинулась с места... Маленькое окошечко в заветной стеклянной будке виделось таким недоступным и недостижимым... Он перестал поглядывать в сторону прилавка, чтобы не расстраиваться, видя тех, кто успел, кто стоит сейчас у витрин, обращенных на улицу, и рассматривает своё приобретение на свету, убеждаясь, что на диске нет дефектов и царапин...

– Молодой человек! – он вздрогнул, поняв что очутился у окошка кассы. Пожилая кассирша восседала за кассовым аппаратом как стрелок в кабине истребителя за пулемётом:

– Что вам? – раздраженно переспросила она.

– Мне в третий отдел... – пробормотал он, ещё не придя в себя.

Кассирша усмехнулась, словно и не ожидала услышать нечто иное:

– Три пятьдесят.

Его рука, сжимавшая мокрую трёшку, остановилась на полпути...

«Какой же идиот! Как можно было забыть?! Три пятьдесят... Нужен ещё полтинник...»

Что-то холодное поползло по ногам, он посмотрел на них – у мокрых кроссовок расплылась небольшая лужица... Только сейчас он заметил, что вымок с ног до головы – и джинсы и майка холодят тело...

– Вы будете платить? – заводясь спросила кассирша, озлобленная остановкой живого конвейера.

– Простите... Я, кажется, деньги дома оставил...

– Следующий! – провозгласила кассирша, тут же потерявшая к нему последний интерес.

– Три пятьдесят в третий! – скороговоркой выпалил мужчина, стоявший за ним.

– Маша!

– Что?! – отозвалась кассирша на крик продавщицы.

– Больше не отбивай! Партия кончилась...

Очередь тут же распалась, загудев, и устремилась на улицу.

Убитый происшедшим, он стоял посреди магазина, когда краем уха услышал разговор двух приятелей пробиравшихся к выходу:

– В «Орфее» после обеда будет завоз, – знающе сообщил один.

Второй посмотрел на часы:

– Полвторого... Завалимся к Мишке? А к трём – в «Орфей»...

Первый кивнул, и оба исчезли в дверях.

Он ожил; впереди снова забрезжил свет надежды, но, выскочив на улицу, остановился как вкопанный, вспомнив, что ему не хватает денег. Полтора часа, полтора часа на то, чтобы найти недостающий полтинник. Где его взять? Продать что-нибудь? Что? Или фотоаппарат заложить

в ломбарде? Нет, там паспорт потребуют, без паспорта не возьмут... А кто из знакомых сейчас в городе? Позвонить кому-нибудь? Кому? Кто здесь поблизости живет?..

Отыскав ближайшую телефонную будку и сняв с шеи многоцветные две копейки, он стал звонить подряд всем, чьи телефоны помнил, но в ответ раздавались лишь длинные гудки. Начиная вновь отчаиваться, он всё злее крутил диск циферблата, исчерпывая последние шансы...

– Алё!

– Бося, ты? – чуть не задохнулся он от свалившейся на него удачи.

– Я. Это ты, что ли, Лабух?

– Да! Слушай, займи полтинник?

– Что, срочно надо?

– Ну, вещь одну нашёл; деньги есть, только полтинника не хватает!

– А что такое?

– Да так, одна фиговина к фотоаппарату... Так как, займёшь?

– Надо подумать...

– Слушай, думай скорее, а то тут в магазине хватают её как чёрную икру!

– Ну ладно, – смиловился Бося, – подгребай ко мне...

– Лечу! – бросив трубку, он выскочил из будки и побежал к трамвайной остановке.

«Зайцем придётся ехать...» – подумал он, влетая на заднюю площадку подошедшего вагона.

Свежевымытый город сиял; в глубине луж проплывали облака, асфальт таял под солнцем как шоколад, птицы неслись куда-то стаями, деревья лезли в глаза из-за неестественно яркой зелени – смывшие пыль и грязь, листья шумели, тронутые порывом тёплого ветра. Трамваи были похожи на лакированные школьные пеналы – дурачась звенели на рельсах, а троллейбусы, пересекающие им путь, катились словно жестяные банки из-под «монпансье».

Бося жил в «Ватикане», почти в центре города – это был целый квартал домов, построенных в форме каре, с одним общим огромным двором, в котором, не мешая друг другу, размещались столовая, детсад, продуктовый и промтоварный магазины, и бытовая комбинат. Попасты в это «государство» можно было только через единственные ворота, охранявшиеся милицией, и жили тут, в основном, одни «шишки».

Отец у Боси занимал какой-то пост в облисполкоме, а мать была деканом одного из факультетов университета; так что их семья занимала не самое последнее место в иерархии обитателей «Ватикана».

У Огарёвых (такая фамилия была у родителей Боси) только одна проблема – их сын: Бося был троечник и «луддит», как называл его отец. «Пофигист по жизни» – как характеризовал он себя сам. Ему нравилось таскать интересные книжки из университетской библиотеки, пользуясь материнским положением, нравилось бродить по гигантским заброшенным стройкам и огромным городским свалкам: мать только за голову хваталась, когда, в очередной раз, он приволакивал домой свои новые «трофеи». Предметом его гордости были напольные часы, похожие на гроб; они, естественно, не шли, пожалуй, уже с полвека, но выглядели впечатляюще. А как Бося вёз их через весь город – это отдельная история.

И ещё – по Босе сохло полшколы девчонок; он был прост в общении, и легко сходился с самыми разными людьми, а лучшим его другом был кочегар из котельной «Ватикана» дядя Женя.

На проходной, у ворот, маялся от безделья и скуки молоденький сержант:

– Куда идём? – оживился он при его появлении.

– К Огарёвым.

– Запишись. – сержант придвинул к нему толстую амбарную книгу, куда записывались все посещавшие «Ватикан», но не жившие в нём.

Он взял ручку, привязанную к талмуду ниткой, и написал свою фамилию и фамилию тех, к кому шёл.

– Иди... – сержант опять поскучнел и отвернулся к стене, пытаясь подавить зевок.

В «Ватикане» было тихо: городской шум почти не проникал через стену домов и двор, усаженный липами, походил на санаторный парк. Здесь ходили неторопливо, словно прогуливались, и он, незаметно для себя, тоже замедлил шаг, проходя по тенистым аллеям «Ватикана».

Очувшись в знакомом подъезде, он так же не спеша поднялся по лестнице, не став дожидаться лифта, и постучал в дверь квартиры Огарёвых.

– Сейчас! – услышал он Босин голос из глубины квартиры. Раздались шлепающие звуки, и дверь распахнулась:

– Здорово! Проходи! Предки на барщине. – сообщил Бося; «барщиной» он называл любую работу.

– Так чего ты там такое нашёл? – спросил Бося, ведя его в свою комнату.

«Сказать ему или нет?» – подумал он, а язык сам собой повторил ложь:

– Да приставка к фотоаппарату для макросъёмки... Трояк есть, и всего полтинника не хватает...

– У меня только рубль. – сказал Бося.

– Ну, так я тебе сдачу обратно занесу...

– Держи, – Бося достал из какой-то книжки рубль и протянул ему.

«Может, всё-таки сказать? Так ведь у него один рубль, на два диска всё равно не хватит... А я ему потом на катушку перепишу». – успокоил он свою совесть.

– Пошли, кофе попьём. Импортный. Отец в распределителке купил. – потащил его на кухню Бося. В коридоре он глянул на часы – два.

«Ещё час есть».

Они сели пить кофе; окно кухни выходило в мир и сквозь открытую форточку в кухню влетал тополиный пух...

Попив кофе и поболтав с Босей о разной ерунде, он засобирился.

– Ну ладно, – сказал Бося, проводив его до дверей: – До пока! Принеси хоть посмотреть эту штуку.

– Какую штуку? – не понял он, вызывая лифт.

– Ну, эту... Приставку к...

– А! – дошло до него: – Ладно, принесу...

От «Ватикана» до «Орфея» было недалеко и он решил пройтись пешком, стараясь держаться в тени домов – солнце палило нещадно, и в воздухе висела влажная духота; лужи высыхали моментально, оставляя после себя на асфальте тёмные пятна.

Завернув за угол, к магазину, он увидел толпу – до открытия оставалось ещё полчаса, но у дверей стояло не меньше полсотни народу.

«Ну, блин! – подумал он: Не хватит...»

Отчаянье снова стало овладевать им, но он всё-таки постарался как можно ближе продраться сквозь толпу к закрытым дверям магазина.

В толпе, в основном, была фарца: они скупали все новинки и загоняли их потом втридорога – двадцать, тридцать рублей за диск. Раз в десять дороже магазинной цены. И брали «пласты» не малыми партиями – по три, по четыре коробки сразу.

Прижатый чуть ли не к витрине магазина, он глядел в глубь; за десять минут до открытия появились продавщицы – они сновали из отдела в отдел, поправляя что-то на стеллажах.

Толпа зашевелилась и ещё плотнее сгрудилась у входа.

Наконец двери открылись, и народ хлынул внутрь, чуть не затоптав открывавшую двери продавщицу.

Зажатый со всех сторон телами он и не заметил, как оказался в торговом зале. Никто не торопился в отдел классики – все рвались к кассе отдела популярной музыки; появилось некое подобие очереди, заклацали клавиши кассового аппарата, зашуршали и зазвякали деньги, продавщицы еле успевали накалывать чеки на стальную спицу и подносить из подсобки новые коробки с пластинками.

Он поминутно оглядывался по сторонам; очередь впереди двигалась довольно быстро, а сзади – всё росла и росла: это подходили опоздавшие к открытию магазина после обеденного перерыва.

«Успею, – подумал он: Кажется, успею! Должно хватить!..»

Уверенная радость росла в груди и заставляла учащённо биться сердце, словно за спиной был пятикилометровый кросс и вот уже финишная прямая...

– Три пятьдесят во второй! – выдохнул он, добравшись до окошка кассы. Кассирша машинальным движением сгребла деньги с фарфорового блюда, одновременно отбивая чек и отсчитывая сдачу:

– Следующий!

Он схватил свой чек дрожащей рукой и бросился к очереди у прилавка. К горлу вдруг подступил ком, в ушах застучало и когда, наконец, добравшись до прилавка, он протянул чек продавщице – то не мог сказать ни слова, только молча, трясясь от волнения, показал пальцем на то, что ему было нужно.

– Пожалуйста, – подала ему конверт с пластинкой продавщица.

«Есть! Он мой!» – гремело у него в голове.

Прижав пластинку к груди он стал пробираться к выходу. Очутившись на улице – еле добрёл до ближайшей скамейки, и плюхнулся на неё: ноги подкашивались от волнения. Мир словно перестал существовать для него; исчезли звуки, исчезло время и пространство... Был только синий конверт пластинки с фотографиями музыкантов...

Немного успокоившись, он осторожно достал из конверта чёрный диск – на спиральных бороздках ярко вспыхнула радуга.

«Вроде не завален...» – удовлетворённо констатировал он, рассмотрев обе плоскости.

Он долго сидел на скамейке, отрешённо глядя на проходивших мимо людей, на проезжавшие машины, на игру пятен света, пробивавшегося сквозь листву, и даже не заметил, как вновь пошёл дождь – капли попали на конверт и руки: он вздрогнул, глянул на небо, затянутое свинцовыми тучами, вскочил, засунул конверт пластинки под майку и побежал домой.

Дождь словно пробовал свои силы – сначала редкие крупные капли полоснули по земле, а потом с высоты низвергся ливень, в минуту затопивший все улицы: водяные потоки неслись по асфальту, исчезая в канализационных люках и решётках, деревья пригнулись от свалившейся на них тяжести, жестяные крыши остановок гремели как барабаны...

Насквозь мокрый, он перебежал от дома к дому, от подъезда к подъезду, прикрывая обеими руками конверт под своей майкой.

Раскаты грома бились между стенами домов, от них дребезжали окна и хлопали двери.

Он добежал до трамвайной остановки полной народу, спасавшегося от ливня, и тут же вскочил в подошедший трамвай; за стёклами поплыл размытый городской пейзаж... Скорей бы добраться до дому... И только бы пластинка не испортилась!..

Он осторожно ощупал конверт под майкой, но не смог определить – сильно ли тот промок, а пять остановок ему показались вечностью:

«Всемирный потоп какой-то...»

Мокрая одежда неприятно липла к телу, с волос на лоб и глаза стекали струйки воды, – он поминутно утирался, но толку от этого было мало: руки тоже были мокрыми и он вновь и вновь зажмуривал затекающие глаза...

– «Московская»! Следующая – «Зелёный бульвар»! – раздалось из салонных громкоговорителей; трамвай, лязгнув, остановился, скрежетнул дверьми и выпустил его наружу.

Прыгая через огромные лужи, он влетел в родной двор, и в несколько секунд оказался в своём подъезде: вынул из-под майки конверт – тот был безнадежно мокрым... Сырой картон распозался от малейшего прикосновения...

«О, чёрт!»

Взлетая – через три ступеньки – на свой этаж, он судорожно пытался достать ключ из промокших брюк, а открыв, наконец, квартиру, – прямо в прихожей содрал с себя одежду и бросился в ванную комнату; осторожно вынув пластинку из испорченного конверта, он тщательно протёр её полотенцем и только потом вытерся сам...

Ничего страшного – воды на диск попало совсем чуть-чуть; картонный конверт и его майка всё-таки защитили диск...

В своей комнате он включил проигрыватель, поставил на него пластинку и, затаив дыхание, опустил на её поверхность иглу... Мощный аккорд, совпавший с раскатом грома, заставил его вздрогнуть: по телу побежали мурашки, – то ли оттого, что он озяб, то ли от той музыки, что вырывалась сейчас из динамиков... Он впитывал в себя этот ритм, эти мелодии точно так, как земля впитывала в себя хлещущий ливень...

Дождь давно закончился, небо вновь прояснилось и посинело, а он снова и снова ставил пластинку сначала... Кто-то из соседей, не выдержав слишком громкой музыки, застучал по батарее центрального отопления, – тогда он подключил к проигрывателю отцовский танкистский шлем, переделанный в наушники, и отключил динамики...

Музыка звучала в нём, его комната стала выглядеть совсем по-другому, да что комната! Он чувствовал – весь мир изменился; теперь уже никогда не будет так, как было прежде, теперь есть этот ритм, эти песни... Теперь всё будет по-другому, всё будет иначе... Необъяснимые радость и восторг переполняли его – в этой музыке столько энергии, что ей тесно в канавках дорожек чёрного диска, и она заполняет собой всё пространство, слетая с иглы, удвоенная, учетверённая усилителем!

Кто-то постучал пальцем по шлему – он сдёрнул его и обернулся: рядом стояла мать:

– Мам...

– Ты хлеб купил?

– Мам... Нет... Я купил пластинку... – он показал ей конверт.

Мать улыбнулась:

– Понятно...

Он вскочил на ноги:

– Хочешь, я сейчас сбегать? Я быстро!

– Сиди уж! – махнула рукой мать; – Займу у соседки...

– Может всё-таки сбегать?

– Куда? Все магазины закрыты – девятый час уже...

– Девятый?! – ужаснулся он.

– Вот вернётся отец... – пообещала мать, выходя из квартиры.

«Какая же я скотина! Я же должен был в два часа...» – вспомнил он, бросившись к телефону, но замер в нерешительности перед ним: звонить или нет?

«Я ведь так её обидел... Она не захочет со мной говорить... И будет права...»

Он поплёлся в свою комнату и сел у окна: на западе догорал багровый закат, солнце быстро падало за горизонт... В домах зажигались огни, и квадраты окон светились в ультра-мариновых сумерках...

Вернулась мать, зашла к нему в комнату и потрепала его шевелюру:

– Постригся бы... Есть хочешь?

– Нет, спасибо, мам... Не хочется...

– Ложись-ка тогда спать; уже поздно...

– Да, – кивнул он головой...

Один вечер трудного дня из жизни... Один, ушедший в прошлое, день... Но завтра будет другой, а за ним – великое множество дней... Разных и не похожих друг на друга... Радостных или не очень, – неизвестно, но всё равно приятно, когда впереди целая вечность...

Мать ещё долго что-то делала на кухне, а он лежал в своей постели и, сквозь наступающую дрему, думал:

«Я пойду завтра к ней... Попрошу прощения... И подарю ей этот диск... Она поймет... Она поймет, когда услышит «Can't buy me love»... Любовь не купишь... Она поймет...»

КАИН И АВЕЛЬ

...Отца хоронили в пятницу; шёл мелкий морозящий дождь – будто бы на один день апрельская оттепель обернулась осенью...

Пётр стоял у края могилы, отрешённо глядя на гроб, где лежал отец, чьё восковое лицо блестело от мелких капель воды...

Старухи-плакальщицы заученно причитали в полголоса, утирая слёзы краешками платков, мужики и бабы молча стояли вокруг...

Всё как-то затянулось; чего-то ждали – никто не решался нарушить повисшую паузу, только вороны, безразличные и равнодушные ко всему происходящему, изредка каркали с ветвей голых берёз.

– Петя... – тронула за рукав Петра жена: – Попрошайся с отцом...

Пётр вздрогнул, словно очнувшись от оцепенения и как-то покорно, не по своей воле, шагнул к гробу и, встав на колени, поцеловал отца в холодный мокрый лоб...

Плакальщицы завyli чуть громче: мужики заколотили гроб крышкой и взялись за верёвки... Гроб, качаясь, нырнул в яму, и первый ком сырой земли шмякнулся о доски со звуком куска мяса брошенного на прилавок... Петра передёрнуло и он, не дожидаясь никого и не оборачиваясь назад, побрёл с кладбища в село...

За спиной врезались в вывороченную землю звонкие штыки лопат... Сорвавшиеся с деревьев вороны понеслись дикой круговертью над грязным полем в лишаях ещё не растаявшего снега...

Кто-то шёл за ним, – это была Мария, – но она не посмела окликнуть его и только брела следом.

Грязь, попеременно с прошлогодними листьями, липла к сапогам и мешала идти... С кладбища доносился стук топора – вбивали в землю сосновый, пахнущий смолой, жёлтый крест...

– Ну, люди добрые, помянем раба божьего Илью... Пусть земля ему будет пухом... – негромкий гомон стих, все сжали в руках стаканы с водкой; кто-то перекрестился...

Пётр сидел за столом, погрузившись в оцепенение и видел всё происходящее сквозь тугую, вязкий туман... Поднесённую кем-то водку проглотил, не ощутив вкуса, взялся за вилку, потом бросил... Руки плетью лежали на столе, не желая слушаться...

А за столом ожили – то тут, то там завязались разговоры:

– ...Да, весна-то нынче того...

– ...Вишь ведь, коллектор лопнул! Ни дна ему, ни покрышки...

– ...Уже вторую курицу задрал, пёс холерный!..

– ...Надь, ты завтра в райцентр поедешь?..

Мария сновала из кухни в зал, обнося поминающих горячим – пар от рассыпчатой картошки с тушёной вилса над столом.

– Поел бы ты, Петя, – коснулась она его плеча: – Вторые сутки уж ничего не ешь...

– Да, Петя, золотой у тебя был отец... – Матвей Палыч, колхозный агроном и давний друг отца, смахнул заскорузлым корявым пальцем пьяную слезу:

– Справедлив был... Царствие ему небесное...

Пётр с трудом, через силу, проглотил картофелину и снова отложил вилку: не мог он сейчас есть – кусок поперёк горла вставал...

– А Иван-то чего не приехал? А, Петь? Ты ему тилиграмму-то давал?

– Давали, – закивала головой Мария: – да, видно, дела какие-нибудь в городе задержали...

– Э, город-то он того, засасыват...

– Это ты уже вторую засасываешь, хоть бы людей постеснялся!

– Да ну ты к лешему!..

Иван. Брательник младший... Пётр впервые за последние два дня улыбнулся... Бра-тишка... Где-то ты сейчас?.. Почему не приехал?.. И на телеграмму не ответил... Мария же и отправляла её...

Пётр поднял голову – в красном углу, пониже закопчённой иконы, висели фотографии в простенькой рамке; вот отец с матерью, молодые, серьёзные... Вот и они с Ванькой – ещё под стол пешком ходят, а там – постарше – школа. Третий класс, а Ванька – в первом...

Мать Пётр помнил смутно; она умерла, когда рожала Ивана... Помнил он отчётливо только её руки – тёплые, мягкие и добрые... Отец больше не женился; поднял их с братом на ноги в одиночку – и кухарничал сам и обстирывал их с Ванькой... И никогда о матери не заговаривал... Это уж потом, когда подрос, Пётр понял – любил отец мать. Любил безумно. И ушёл бы за нею добровольно, если б не сыновья – свою любовь к ней он на них перенёс. Ваньку – то и понятно – любил особо: горькая боль порою слаще мёда бывает... Который раз как глянет на Ивана – слёзы на глаза наворачиваются... Подступало, видно, к сердцу...

Пётр поначалу обижался; и то Ваньке и сё, и лишний кусок сахара, и меньше оплеух за проделки...

Потом перестал, понял, что для отца Иван – как душа матери здесь пребывающая... Да и похож на мать Иван был необыкновенно – точь-в-точь её копия, а Петр был весь в отца...

– Петь...

Пётр очнулся от воспоминаний; в избе уже никого нет, все разошлись. Жена сидела рядом с ним за пустым прибранным столом:

– Поздно уже... Пойдём спать...

– Покурю схожу... – Пётр тяжело поднялся, отодвинув стул, и вышел из избы во двор.

Стемнело. Было промозгло и сыро. В будке завозился Полкан; гремя цепью, высунул морду наружу и уставился на хозяина.

Пётр, чиркнув спичкой, прикурил папиросу – маленький огонёк прожил несколько секунд в сложенных грубых ладонях и погас, задутый порывом ветра.

Где-то в селе вляяла собака, ей ответила другая, третья... Полкан снова заворочался в конуре, вылез и, задрав морду к небу, вдруг страшно, смертельно тоскливо завыл...

Пётр вздрогнул, выронив папиросу изо рта; по телу побежали мурашки:

– Цыц! – заорал он на пса. Тот обернулся на крик, сверкнул глазами и словно окаменел, не двигаясь с места.

Петр затоптал оброненную папиросу – ему стало не по себе от собачьего взгляда, и он ушёл в огород, к бане у реки...

От воды тянуло холодом; свинцовая её поверхность тяжело плескалась волнами в берега. Пётр прислонился к шершавому почерневшему срубу бани и глядел на небо – там, в высоте, неслись мутные облака, затмевая собой синие звезды...

– Ты чего? – удивился начальник лесничества Степан Михалыч, увидев пришедшего в контору Петра.

– Не могу я, Михалыч, дома сидеть... Тошно становится...

– Ну, смотри, Пётр, дело твоё... – Степан Михалыч пожал плечами; – Отпуск-то ведь законный...

– Да...

– Ладно! – перебил он Петра; – Понимаю... В Сухом логу отметь больные: через месяц там чистой займемся. Не тороплю, но... поспедай! Лады?

– Хорошо, Михалыч, сделаю! – Пётр вышел из конторы ободрённый; в тягость ему был этот отпуск, положенный по смерти близких. За что ни брался – всё из рук валилось, не ладилось как-то, вкривь и вкось шло... На третий день не выдержал и пошёл в контору, решил: "Работа успокоит".

– Кобылу возьмёшь? – спросил его вышедший на крыльцо Степан Михалыч.

– Да нет, не надо! Пешком прогуляюсь, – отказался Пётр.

Он широко зашагал по улице к своему дому; до Сухого лога было километров семь, и Пётр уже предвкушал этот путь по оживающему лесу.

Марии дома не было – ушла на работу, на птичник, но на столе стоял завтрак; варёные яйца, жареная картошка и молоко в кринке. Пётр, однако, есть не стал – только взял несколько ломтей чёрного хлеба, намазал на них горчицу, круто посолил и, завернув в газету, положил в заплечный мешок. Снял со стены карабин, отыскал в комодке коробку с патронами, сунул горсть их в карман телогрейки и вышел во двор; в сарае он взял небольшой лёгкий топорик – его им с Иваном сделал отец, когда они чуть подросли и помогали ему колоть дрова... Тогда им этот топор казался огромным, как и чурки, хотя отец специально для них распиливал каждую на три части – такими дровишками только буржуйку в теплице топить.

Пётр усмехнулся, вспомнив, как отец учил их премудрости колки дров – тогда им с братом это казалось великим откровением, а отец и в правду умел показать вещи с какой-то другой стороны, не с той, с которой их видишь каждый день...

А лес оживал, просыпался от зимней спячки, да впрочем, он и зимой жил, но только иной жизнью – дремотной, сонной, изредка зверьём нарушаемой, но вот солнце стало пригревать и снег днём становится рыхлым, поддаётся теплу и кое-где уже проглядывает земля, покрытая прошлогодней травой. И воздух другой – не зимний, нет, хоть и прохладен ещё, но уже пропитан другими запахами: запахом набухающих почек, запахом талой воды...

К полудню Пётр добрался до Сухого лога и, не присев отдохнуть, пошёл от дерева к дереву по участку, делая зарубки на больных и мёртвых деревьях. Встретилась ему берёза, расщеплённая от комля до верхушки морозом: "Эх, как тебя, бедная!" – пожалел её Пётр, проведя ладонью по нежной коре: "И деревья как люди страдают..."

"От чего же "как люди", Петя? У них своя душа имеется... Не стоит их душу с людской сравнивать: чище она..."

Пётр застыл, почувствовав, как по спине потекла струйка внезапно проступившего пота: "Ты, отец?" – заглядывался он вокруг.

"Я, Петя, я... Да не вертись ты, не увидишь..."

"Батя, может, чудится мне?" – Петр прислонился к погибшему дереву.

"Может и чудится... До сорокового дня мне тут быть, а потом..."

"Отец!"

"Не перебивай! Я что хотел сказать; порядок должен быть, Петя... Не вокруг – в жизни-то порядку мало и бессмысленно. В тебе он должен быть... Не успел я вам с Иваном этого сказать, так вот сейчас говорю... Тогда и душа чище будет, тогда и смерть не наказание, а дверь..."

"Какая дверь?"

"Поймёшь, когда увидишь: кому дверь, а кому и дыра в заборе... Об одном жалею, что Ивана не увидел..."

Пётр присел на корточки у дерева, прислонившись к нему спиной и, почувствовав голод, достал из мешка хлеб; один кусочек под дерево положил, у самого комля...

Где-то близко застучал дятел; Пётр поднял глаза к небу – там плыли тонкие облака, похожие на перья, потерянные огромной птицей.

За спиной послышался хруст. Пётр осторожно выглянул из-за дерева – невдалеке, на прогалине, стоял лось. Он осматривал окрестности взглядом хозяина: постоял, прислушиваясь к чему-то, и с достоинством удалился в чащу. Пётр даже перестал жевать, чтобы не обнаружить себя; хоть ветер и дул в его сторону, но – бережёного бог бережёт.

Домой он тронулся когда солнце покатилося к горизонту: быстро сгущались ранние весенние сумерки и земля, отогретая за день солнцем, на глазах подмерзала, превращаясь в хрупкую, ломкую ледяную корку... И всю дорогу в ушах у него звучал голос отца...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.